

УДК 316.7

DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-3-83-104

СОВРЕМЕННЫЙ НОВОЯЗ КАК СВЯЗУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ МЕЖДУ ОНЛАЙН- И ОФЛАЙН- КОММУНИКАЦИЕЙ

Олешкова Анна Михайловна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических наук. Россия, 622031, г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, 57, Филиал Российского государственного профессионально-педагогического университета в городе Нижнем Тагиле; e-mail: oleshkova@bk.ru

В статье представлена концепция современного новояза в контексте социальной и политической философии. В первой части статьи автор устанавливает связь между онлайн- и офлайн-коммуникацией, обозначает разницу понятий «офлайн» и «онлайн», выявляет отличительные и общие черты классического и современного новояза. Автор описывает разные подходы к определению новояза, приводит примеры на основе нескольких институциональных дискурсов и приходит к выводу, что новояз XXI в. представляет собой синтез сетевого и идеологического языка. Вторая часть статьи посвящена рассмотрению концепций, позволяющих отразить новояз в рамках критической традиции, конструкционизма, постмодернизма и когнитивного подхода. Адаптируя к теме идеи Т. Адорно, М. Фуко, Ж. Делёза, Ф. Гваттари, Ж. Бодрийяра, Р. Водака, С. Жижека, Т. Лукмана, П. Бергера и Дж. Лакоффа, автор приходит к выводу о комплексной природе новояза, что позволяет актуализировать связь языка и идеологии, языка и идентичности. Сохраняя признаки субкультурного феномена, новояз посредством квазиполитического содержания расширяет сферу применения «говорящим субъектом» и может быть составной частью любой темы. Автор отмечает, что выход новояза за пределы пространства Сети позволяет считать новояз важным маркером и индикатором социальных трансформаций. С учётом включения в новояз языка вражды, обценной лексики, языковой игры, бинарных оппозиций, разных институциональных дискурсов можно говорить о сензитивности для «говорящего субъекта» артикулированных посредством новояза тем. Современный новояз функционирует на официальном и неофициальном уровнях, не только конструирует и интерпретирует современное социокультурное пространство, но и расставляет акценты в историческом дискурсе, соединяя историческое и политическое.

Ключевые слова: новояз, дискурс, критический дискурс-анализ, критическая теория, когнитивизм, Сеть
Ключевые слова: новояз, дискурс, критический дискурс-анализ, критическая теория, когнитивизм, Сеть

Цитирование: Олешкова А.М. Современный новояз как связующий элемент между онлайн- и офлайн-коммуникацией // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2023. Т. 6. № 3. С. 83-104. DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-3-83-104

Рукопись получена: 17 августа 2023

Пересмотрена: 1 октября 2023

Принята: 3 октября 2023

MODERN NEWSPEAK AS A CONNECTING ELEMENT BETWEEN ONLINE AND OFFLINE COMMUNICATIONS

Anna M. Oleshkova – PhD of Historical sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Sciences, Branch of the Russian State Pedagogical University in Nizhny Tagil. 57 Krasnogvardeyskaya St., Nizhny Tagil, 622031, Russian Federation; e-mail: oleshkova@bk.ru

The article presents the concept of modern newspeak in the context of social and political philosophy. In the first part of the article, the author establishes a link between online and offline communication, denotes the difference between the concepts of “offline” and “online”, and reveals the distinctive and common features of classical and modern newspeak. The author describes different approaches to the definition of newspeak and gives examples based on different institutional discourses. The author concludes that the new language of the XXI century is a synthesis of network and ideological language. The second part of the article focuses on revealing concepts that allow reflecting on newspeak within the framework of critical tradition, constructionism, postmodernism and cognitive approach. The author adapts the ideas of T. Adorno, M. Foucault, J. Deleuze, F. Guattari, J. Baudrillard, R. Vodalak, S. Zizek, T. Lukman, P. Berger, and J. Lakoff to the topic. She makes a conclusion about the complex nature of the newspeak, which makes it possible to actualize the connection between language and ideology, language and identity. While retaining the signs of a subcultural phenomenon, newspeak, through quasi-political content, expands the scope of application by a “speaking subject” and can be an integral part of any topic. The author notes that the spread of newspeak beyond the Network space allows us to consider newspeak an important marker and indicator of social transformations. The inclusion of hostility, obscene vocabulary, language games, binary oppositions, and various institutional discourses in the newspeak makes it possible to talk about the sensitivity for the “speaking subject” of topics articulated through the newspeak. Modern newspeak functions at the official and unofficial levels; it not only constructs and interprets the modern socio-cultural space, but also places accents in historical discourse, combining historical and political.

Keywords: newspeak, discourse, critical discourse analysis, critical theory, cognitivism, Network

How to cite: Oleshkova, A.M. (2023). Modern newspeak as a connecting element between online and offline communications, *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*,

Received: 17 August 2023

Revised: 1 October 2023

Accepted: 3 October 2023

Интернет как пространство междисциплинарных исследований

Информационная революция и прогресс в технологиях в современном обществе, связанные с появлением чата GPT, актуализируют вопрос деструктивного и конструктивного потенциала нейросетей (Mao, Chen, Zhang, Guerin, Cambria, 2023), а также продолжают фокусировать внимание учёных на интернет-пространстве, обращая внимание на разные грани этой большой темы (Ropoly, 2018). В частности, для социально-гуманитарного знания важным представляются два аспекта: язык, который используют «говорящие субъекты»; связь условного онлайн- и офлайн-пространств. Понятие «говорящий субъект» используется в контексте взглядов Ж. Лакана и М. Фуко, это субъект, который образуется через язык и символические системы. Субъект не может существовать вне этих систем, идентичность и понимание мира (социокультурного пространства) формируются именно через язык.

Первый аспект в определённой мере можно назвать классическим с точки зрения философского знания: по крайней мере философия языка, лингвистическая философия в разные периоды своего существования обращали внимание и на язык науки, и на повседневную речь. Достаточно привести пример творчества Л. Витгенштейна – в частности, две его работы, фиксирующие оба момента: «Логико-философский трактат» и «Философские исследования» (Витгенштейн, 2017; Витгенштейн, 2010). Второй же аспект представляется особенно актуальным с учётом постепенной, а в определённых случаях достаточно резкой потери чёткой разницы между онлайн- и офлайн-пространством. В частности, речь идёт о верификации первоисточника информации: где именно зародилось то или иное выражение, как оценивается ситуация «говорящим субъектом», какова разница между разными медиапузырями (*bubbles*).

Несмотря на мощный прогностический потенциал сериала «Чёрное зеркало», согласно которому пересматриваются моральные основы современного общества (Gibson, Carden, 2021) и становится достаточно сложно отличить, в каком случае перед нами реальность, а в каком – виртуальность, представляется, что сфера Интернета (в частности, Рунета) во многом воспроизводит внутри себя закономерности развития «обычного» общества. Интернету также свойственно «слишком человеческое». Речь идёт о переносе в интернет-общение особенностей социального взаимодействия и порядка: социальной иерархии, стигматизации, депривации, идеологизации. Эти и иные признаки «обычного» общества

в определённой степени нивелируют разницу между онлайн- и офлайн-культурой, как минимум делая их похожими.

С точки зрения процесса коммуникации под понятием «онлайн» подразумевается распространение информации в интернет-пространстве: социальные медиа, комментарии, электронные версии СМИ. Термин «офлайн» включает в себя коммуникацию, которую можно зафиксировать вне Сети: визуальные и текстовые источники, которые можно увидеть за пределами компьютера; устная повседневная речь «говорящих субъектов». Схематично, онлайн – это Интернет, офлайн – это город. Такое условное разделение можно объяснить разными типами дискурсов и первичностью или аутентичностью физического носителя информации, характерного для обеих форм коммуникации. Если для онлайн-коммуникации в рамках интернет-пространства можно привести в пример социальные сети, социальные медиа, стриминговые каналы и т. д., то к офлайн-коммуникации, в частности, можно отнести разнообразные примеры визуальных источников (рекламные плакаты, наклейки на автомобили, нашивки на одежду, сумки), а также книги, учебники, то есть всё то, что подразумевает использование физического носителя. Например, прессу в этот блок можно не включать, так как потребление информации из СМИ во многом перешло в онлайн-пространство (однако стоит признать, что бумажная пресса сосуществует с электронными версиями этих же изданий). При этом в школах использование учебников подразумевает непосредственную работу с бумажным экземпляром. Также следует уточнить, что в современных условиях эти формы (онлайн и офлайн) тесно взаимодействуют друг с другом и затрудняют верификацию по критерию первичности использования или обязательности использования в том или ином виде.

Современный Интернет становится общественным местом как с правовой, так и социально-философской точки зрения. Рунет имеет противоречивые тенденции регламентации и развития, что можно выразить в метафорической оппозиции «цифровой Гулаг – digital рай, киберпанк», которая сама по себе тоже является новоязом (примеры употребления словосочетаний есть, в частности, в социальной сети *ВКонтакте*, на портале *Пикабу* (Пикабу, 2023), видеохостинге *YouTube*). То есть при усиливающейся тенденции правового регулирования сохраняются пространства хаоса и неподконтрольного поведения «говорящего субъекта». Для исследователя обе сферы могут быть предметом изучения: юридические границы использования языка вражды как составляющего элемента новояза; филологические, философские, политологические, социологические, культурологические основания процесса коммуникации. Самостоятельной темой является использование языка вражды в рамках набирающих популярность в разных возрастных группах социальных сетях и социальных медиа (Mondal, Silva, Benevenuto, 2017; Matamoros-Fernandez, Farkas, 2021). Таким обра-

зом, современный новояз попадает в междисциплинарное поле исследования.

Новояз: понятийная проблема

Понятие «новояз» в определённой степени напоминает понятие «дискурс» с точки зрения пластичности его применения и наличия разных институциональных взглядов: от повседневного, подразумевающего любые необычные проявления в речи и языке, до разных научных оценок, в зависимости от точки отсчёта, от той дисциплины, в рамках которой мы пытаемся осмыслить это важное для современного общества явление.

В рамках коммуникации в XXI в., с одной стороны, новояз является примером языка именно Интернета, также существует язык программирования с одноименным названием *Newspeak* (Bracha, 2022), с другой – в науке существует понятие «политический новояз» (Евластев, Бондаренко, 2021). В первом случае акцент сделан скорее на форму словоупотребления и сферу приложения. Во втором обозначена связь языка и власти. Как следствие, первая интерпретация сохраняет за новоязом субкультурный статус, тогда как вторая наделяет новояз идеологической нагрузкой. Последний подход ближе к тем оценкам, которые новояз получал на историческом материале. В частности, нужно упомянуть работу В. Клемперера (Клемперер, 1998), который обратился к языку Третьего рейха. Сегодня продолжается практика изучения коммунистического новояза (Земцов, 1985; Савина, 2023). Следует отметить исследования, фиксирующие политическую речь постсоветской и современной России (Гусейнов, 2004). Иностранные авторы также обращаются к политическому языку советского периода (Серио, 1999). Существуют педагогические проекты, которые учат критическому мышлению и актуализируют демократические ценности при помощи педагогических теорий и литературного анализа романа «1984» Дж. Оруэлла (Wahlqvist, 2013).

Существует целый ряд словарей и интернет-проектов, которые суммируют примеры политического языка советской, постсоветской и современной России. В частности, Викисловарь предлагает рубрики по личностям и по отдельным событиям (Политический жаргон, 2023). В проекте семантического онлайн-словаря собраны примеры русской политической речи XIX–XXI вв. Собранный материал анализируется с философской и лингвистической точки зрения (Вершило, 2017; Словарь политической (патологической) речи, 2023).

Отметим, что новояз как язык Интернета или как язык тоталитарных обществ или художественных антиутопий преимущественно исследуют филологи. Однако и применительно к современному обществу есть исследования, придерживающиеся второй трактовки, которая позволяет увидеть в языке связь с дискурсом власти, доминированием, стигматизацией и, как следствие, выйти

на социально-философский уровень рефлексии. Отмечается преемственность между советским и постсоветским новоязом (Нум, 2017). Помимо политического новояза и новояза, связанного с интернет-коммуникацией, используется понятие «топонимический новояз», посредством которого анализируются географические названия, в том числе современные переименования улиц, городов (Гробаневский, 2013).

Следует отличать понятия «политический дискурс» и «политический новояз». Общим местом является манипулятивный потенциал обеих языковых систем. Но политический дискурс связан прежде всего с политиками и политикой. М. Кронгауз определяет политический дискурс как «множество устных и письменных текстов, связанных с политикой» (Кронгауз, 2023, с. 462). Исследователи обращаются непосредственно к речам политических деятелей (Андрюхина, 2013). Тогда как новояз имеет квазиполитический характер и в качестве «говорящего субъекта» подразумевает фактически любого субъекта и любую тему, которая сводится к политическим вопросам и раскрывает ценностные ориентации «говорящего субъекта», его идеологическую позицию.

Новояз представлен в разных институциональных дискурсах, которые могли бы не пересекаться, но пересеклись: педагогический, научный, официально-политический, правовой, журналистский, публицистический и др. Новояз – симптом такого синкретизма. Ещё на материале 1990-х гг. мы можем проследить тенденцию смешения жанров, место приложения которых как будто бы не важно. Например, Г. Гусейнов, анализируя советские идеологемы в дискурсе 1990-х гг., отмечает пласт обценной лексики в идеологическом языке, приводя примеры из высказываний политиков и журналистов (Гусейнов, 2004, с. 146, 147). Если в 1980-е гг. журналисты использовали иностранные слова (преимущественно английского происхождения), то сегодня эту нишу занимает блатная лексика. Сегодня криминальное арго проникает в газетно-публицистический, художественный, политический дискурсы (например, «беспредел»), что также свидетельствует о кризисных явлениях в культуре и обществе (Грачёв, 2009). Конечно, это крайние формы, существуют менее показательные и менее заметные примеры. В упомянутом выше Викисловаре или «Словаре перемен» (Словарь перемен, 2015; Словарь перемен, 2018) представлены слова и выражения, которые могут употребляться и в официальной речи, и в интернет-комментариях.

В этой связи понятие «новояз» может претендовать на трактовки, в рамках которых, во-первых, акцентирован именно идеологический характер высказывания; во-вторых, обозначены разнообразные модификации языка, различные эмоционально окрашенные, необычные, как правило, ироничные и даже агрессивные выражения, являющиеся реакцией на современные события.

Понятийная проблема не настолько важна, хотя она, безусловно, присутствует. Например, существует целый ряд наименований,

с которыми сопоставлялся советский политический язык: «деревянный», «газетный жаргон», «канцелярит», «партийная феня», «новояз» (Гусейнов, 2004, с. 21). При определении особенностей новояза следует выделить универсальные черты, сближающие новояз XXI в. с классическим новоязом, а также специфические характеристики, связанные с особенностью современного процесса коммуникации. К универсальным признакам можно отнести следующие: наличие эвфемизмов, канцеляризов, аббревиатур. Язык тоталитарного общества сопровождался пропагандистскими и идеологическими элементами. Он включал особую терминологию, слова, выражения, символы, которые должны были поддерживать идеологию и контролировать общественное мнение. Вертикальность такой коммуникации обусловлена задачами манипулировать массами и поддерживать идеологию. Контроль над языком находился в руках элиты. Остальные члены общества должны были следовать транслируемым идеям и использовать этот язык.

Сейчас ситуация изменилась: порождать новояз и создавать новые слова может любой аноним. В этой связи отличие современного новояза в том, что дискурс власти порождается и реализуется на разных уровнях и не всегда имеет осознанный характер со стороны конкретного «говорящего субъекта». В том смысле, что в отличие от политика «говорящий субъект» не обязательно ставит себе задачу что-то внушить собеседнику. Новояз представляет собой систему, соединяющую официальный и неофициальный уровни коммуникации, проявляется в разных сферах бытования и существует в различных формах: текстовой и визуальной (для сравнения – советские плакаты и интернет-мемы).

Кроме того, скорее следует говорить о разных диалектах новояза. Всё-таки избрать в качестве употребления иронию или обценную лексику – это два разных способа донести свою мысль, и не каждый субъект и не в каждом институциональном дискурсе (педагогическом, религиозном, политическом и др.) будет совмещать обе стратегии. Сегодня новояз не стремится полностью вытеснить основной язык, хотя конкурирует с ним. Как следствие, происходит проникновение новояза в академический и официальный дискурс. При разных, в определённой степени параллельных реальностях, формируемых в том числе медиапузырями «говорящих субъектов», существуют общие места новояза. Новояз – это маркер своего или чужого. Если «говорящий субъект» не знает того или иного слова (изображения) – это тоже важная информация для понимания «рассеивания» (в терминологии М. Фуко) новояза и факт наличия разных групп субъектов, спор между которыми либо не состоится, либо не достигнет консенсуса.

Поскольку политическая или околополитические темы или сама потенциальная возможность свести любую тему к политике – это основные содержательные критерии современного новояза, то может показаться, что понятие «политический новояз» выглядит избыточным, плеоназмом, однако это не так. Отличительная черта

современного новояза – именно его квазиполитичность. Это означает два важных момента: во-первых, «говорящий субъект» применяет новояз не только при обсуждении собственно политических тем, и во-вторых, посредством новояза фактически любая тема может быть политизирована.

Классификация и примеры новояза

Попробуем ёмко представить примеры современного новояза, сгруппировав их по темам и по разным критериями. В этой связи новояз актуализирует похожую проблему, связанную с интернет-мемами. Их сложно классифицировать: как правило, перечень получается алогичным, по принципу – красное, зелёное, квадратное. Так, есть критерии, связанные со временем возникновения (например, золотой век мемов в Рунете), с формой (текст, картинка). Но когда речь идёт о преднамеренности, смешанности, отличиях постиронии и метаиронии – всё становится сложнее (Her, Zharova, 2017). Кажущееся юмористическим высказывание может быть примером продвижения насильственного сюжета (Crawford, Keen, Suarez de-Tangil, 2020). В этой связи новояз поддаётся классификации, но опять же с разными основаниями.

С точки зрения темы высказывания можно подобрать примеры ко всем сферам общества: политике, экономике, культуре, социуму. По хронологии выстраивают собранные примеры авторы «Словаря перемен» (Словарь перемен, 2015; Словарь перемен, 2018). Также авторы указывают источники определения, когда можно засвидетельствовать точное место употребления слова или фразы. Кроме того, можно выделить разные основания для классификации:

- Исторические термины: «пятая колонна», «холодная война».
- Переименованные исторические термины: «ночь длинных ковшей».
- Прецедентное событие в современности: «крымнаш», «турбопатриоты».
- Исторические события, важные для современности: «победобесие».
- Прецедентные названия из художественной реальности: «бандерлоги».
- Построенные на созвучии изначальной формулировки с другой, как правило, абсурдной; использование языковой игры, нередко с негативной коннотацией, высмеиванием: «дед Бидон», «банан Обама».
- Сочетания с интернет-сленгом: «западный тролль».

Если элементы олбанского языка подразумевают сознательное изменение слов, их нарочито неправильное написание (Кронгауз, 2013, с. 89), то некоторые формулировки современного новояза также подразумевают двойное написание, однако не факт, что при

использовании «говорящие субъекты» знают исторические тонкости: бандеровцы/бендеровцы (Экштут, 2022).

Эти и другие примеры применяются в онлайн- и офлайн-коммуникации. Два издания «Словаря перемен» (Словарь перемен, 2015; Словарь перемен, 2018) фиксируют появление слов в обеих сферах. Иногда первоисточник определён, иногда нет. Однако наличие офлайн-примеров говорит в пользу условного второго подхода к новоязу, согласного которому новояз и сегодня остаётся идеологическим языком, а его интернет-бытования скорее являются инструментальным, а не сущностным проявлением. При этом, конечно, нельзя недооценивать роль интернет-коммуникации, которая позволяет объединять общими взглядами субъектов в массовом порядке. Такой источник как интернет-комментарий в социальных сетях (например, *ВКонтакте*) указывает на значимость подобных платформ для самих субъектов высказывания. Длительность цепочек комментариев, их агрессивность, эмоциональность, иногда обстоятельность или, напротив, краткость – всё это признаки важного явления. Точнее, признаки, указывающие на сензитивность отдельных тем для «говорящего субъекта». Для исследователя этот момент не только порождает пространство для анализа, но и указывает на определённые сложности. Например, троллинг (Mojica, 2016) и боты (Ferrara, 2019) во многом будут проблемой для социологов и политологов; на уровне же философской рефлексии важно понять, какие есть аксиологические векторы, что именно обсуждается, даже если выдаётся за наличествующее, почему именно это. Но, конечно, важно понимать, что написание текста ботом означает отсутствие истинности в этой позиции применительно к «говорящему субъекту», который в данном случае лишён субъектности. Количественные методы, формальные лингвистические методы могли бы прояснить подобные ситуации и с социально-политической точки зрения.

Для того чтобы определить, что перед нами обычный неологизм или англицизм, или жаргонизм, следует понимать, что данное слово, словосочетание или выражение должно быть высказано на политическую тему, либо высказано на тему неполитическую, но со сведением её в диалоге (полилоге, если учитывать структуру интернет-комментариев) к политике. Также критерием является гипертрофированная, крайняя позиция по тому или иному вопросу современного миропорядка или истории. В исследованиях используется термин «токсичные высказывания», уровень «токсичности» может быть измерен (Kim, Guess, Nyhan, Reifler, 2021).

Исходя из примеров, можно сделать вывод, с одной стороны, о творческом и агрессивном характере слов и выражений, с другой – о невозможности игнорировать контекст, повод высказывания. С учётом обоих факторов очевидна ещё одна важная черта новояза: конструирование чёрно-белой картины мира. Примеры новояза можно свести к бинарным оппозициям.

Таким образом, не любой интернет-сленг является новоязом (например, слово «бот» может быть и примером сленга, и новоязом, тогда как «кремлеботы» однозначно указывает на политизацию темы и является именно новоязом. Но особенности языка Рунета являются частью новояза при обсуждении с оппонентом политической темы или при политизации неполитической темы, причём не только в Сети, но и за её пределами. Современная коммуникация на политические и околополитические темы происходит в основном в Сети, но в офлайне мы можем зафиксировать отдельные проявления новояза: например, наклейки на автомобили, баннеры социальной рекламы, плакаты, граффити, футболки (например, «вежливые люди»). Речь идёт о феномене перформативной коммеморации. С точки зрения М. Фуко, культура – это совокупность дискурсов. При этом дискурс – это не только собственный языковой дискурс (хотя он в первую очередь), но также поступки, которые имеют воздействие – например, новые практики празднования Дня Победы (Титков, 2019). В целом резонансные события современной внутренней и внешней политики становились источником для формирования их репрезентаций в онлайн- и офлайн-пространствах.

При многообразии языковых явлений, которые сопровождают общение в Сети и за её пределами, представляется, что многие из них являются составной частью понятия «новояз», которое сохранило связь с классическим языком тоталитарной эпохи и закономерностями, представленными в антиутопиях, а также приобрело новые формы в условиях преимущественно горизонтальной интернет-коммуникации. Такими составными элементами можно назвать следующие: языковая игра, англицизмы, язык вражды, обценная лексика, криминальное аргю, исторические понятия в новом временном контексте. Система современного новояза склонна к расширению и большему разнообразию в сравнении с эпохой XX в.

Помимо того, что новояз – это пример квазиполитической коммуникации, важным отличием современного новояза является наличие в нём важного пласта народной культуры. Если язык тоталитарного общества является примером коммуникации сверху вниз, то современный новояз – пример горизонтальной коммуникации. Однако, во-первых, словотворчество имеет свои закономерности и соответственно ограниченный характер: автоматизм рифмы, похожие созвучия или использование исторических терминов в современном контексте. Во-вторых, игра слов, что само по себе должно создавать лёгкую и непринуждённую форму выражения, фактически построена на иронии или оскорблении, что возвращает нас к вертикальной коммуникации, субъект-объектным формам взаимодействия.

Возможности применения теорий социальной и политической философии в исследовании новояза

Важной категорией, позволяющей сопоставить и противопоставить современный и классический новояз, являются понятия «идеология» и «власть». Для изучения системы новояза с точки зрения философии важными представляются методологии конструкционизма, постмодернизма, дискурсивно-когнитивный подход и критическая традиция в широком смысле слова, включающая в себя и взгляды франкфуртцев, и современный критический дискурс-анализ, а также социальная философия фрейдомарксистского толка. В таком перечне уже очевидна необходимость междисциплинарной кооперации и учёта эмпирических данных в построении теорий. Этот пласт теорий представляет собой попытку измерить внешнюю сторону проблемы: особенности контекста, условий культуры, предоставляющие возможность для реализации механизмов манипулятивности.

С учётом политизации разных сфер жизни следует учесть когнитивные теории, которые позволяют обратиться к теме с внутренней стороны: как в таких условиях «говорящий субъект» мыслит, почему он конструирует именно такие слова и словосочетания, с кем/чем он себя идентифицирует и почему. Согласно когнитивистике в широком смысле слова, сложные абстрактные феномены, в том числе идеология и её производные, репрезентируются в сознании. Язык отражает мышление и социокультурное пространство, но также формирует их. Как следствие, для понимания природы новояза следует обратиться к концепциям, осмысляющим дискурсивный и когнитивный уровень коммуникации.

Попытаемся адаптировать концепции социальной и когнитивной философии к изучаемой теме.

С методологической точки зрения традиция Франкфуртской школы привнесла в социально-философский анализ важный компонент, к сожалению, не ставший трендом в научной практике: учёт в философской теории эмпирического материала. Монография Адорно и коллектива авторов оказала влияние в большей степени на социологию (Адорно, 2001). Но и философский уровень обобщения материала указывает на то, что «говорящий субъект», использующий новояз, может быть охарактеризован через понятие «авторитарная личность». Безапелляционность позиций, крайние оценки, конспирологичность мнений, оскорбления – вот некоторый ряд признаков, характерных для современного новояза и его носителя. Современный новояз манифестируется через различных субъектов, это необязательно политик или журналист, который пишет на политическую тему. Таким субъектом может быть представитель любой социальной группы, возраста и пола. Франкфуртская школа позволяет составить представление о личности, которая склонна к авторитарности, предубеждениям, стереотипам. В современном новоязе сильны ксенофобские настроения. Если в ис-

следовании Адорно и Водак (Водак, 2018) акцентирована проблема антисемитизма, то сегодня стоит говорить о более расширенной трактовке неприязни ко всему Другому, чужому. В частности, актуальна проблема мигрантофобии, фиксируются достаточно лёгкие в использовании категории «славянской генетики», «расы».

В складывании такого типа личности, который также именуется у Адорно «потенциально фашистским индивидом» (Адорно, 2001, с. 15), важно учесть культурные и идеологические факторы, определяющие поведение людей. Такому обществу и культуре свойственны определённые термины и концепции, которые Адорно называет «жаргоном» (Адорно, 2020). Язык противопоставлен жаргону (Хоркхаймер, Адорно, 1997, 159). Складывается иллюзорная картина мира, которую формирует субъект и интерпретирует мир согласно ей.

Тезисы, которые обосновывали франкфуртцы, позволяют осмыслить социальные проблемы современного общества, в том числе через речь. Особое внимание уделяется вопросам идеологии, подлинности, разрушения, рациональности. Все эти факторы – контекст для бытования языка, при помощи которого эти проблемы становятся очевидны. Язык является способом формирования идеологии и манипуляции. В свою очередь, «языковые привычки» (Адорно, 2001, с. 288) выдают авторитарную личность. Демагогическая речь не только характеризуется агрессивным напором, но и может обладать «елейностью», иметь «личностный характер» для реципиента (Адорно, 2001, с. 312, 366). Апелляция к традиции, корням, почве – основа популистского дискурса, который исследуется на современном материале в контексте критического и исторического дискурс-анализа. Например, Водак пишет о правом популизме. С учётом того, что новояз бинарен и включает политический контекст (это не означает, что субъект его понимает и верно интерпретирует), возможные бинарные оппозиции новояза могут быть такие: правые – левые, консерваторы – либералы. В разных национальных политических культурах эти дихотомии могут иметь своё наполнение. В данном случае речь может не идти о чётком вписывании в идеологический спектр, ибо «говорящий субъект», используя новояз, выходит за пределы академизма. Однако определённые маркеры в примерах увидеть можно, особенно если учесть максимально показательные концепты. Например, в качестве маркера будет поддержка или критика следующих кейсов: либеральные реформы 1990-х гг.; появление новых слов в русском языке; проблема миграции и др.

Действительно, «язык конструирует... системы символических представлений» (Бергер, Лукман, 1995, с. 70). Бергер и Лукман далее уточняют, что прежде всего речь идёт о религии, философии, науке, искусстве. Также важно, что именно институты контролируют производство и передачу значений. Однако, в частности, и СМИ (в том числе их электронные версии), и в целом Интернет также вписываются в специфику современного общества как об-

щества плюралистичных социальных институтов. «Понимание языка существенно для понимания реальности...» (Бергер, Лукман, 1995, с. 65). В случае параллельных языковых реальностей в условиях многообразия потенциально возможных источников информации складывается противоречивая ситуация: с одной стороны, «говорящий субъект», казалось бы, может быть свободен в выборе позиции, с другой – такая потребность может отсутствовать. Результатом становится кризис значений и то, что в современном обществе сохраняется только минимум ценностей, которые разделяются безусловно. Новояз сопровождается безапелляционностью в споре, отсутствием стремления принять сторону оппонента, крайними оценками.

Через современный новояз можно скрыто манипулировать, но также можно быть в открытом клинче. При этом ссора, спор – тоже могут быть элементом манипуляции, стремлением навязать свой дискурс с помощью неопровергаемых конспирологических теорий, поисков «козлов отпущения» (Водак, 2018, с. 9). В конечном счёте новояз участвует в процессе создания симулякров. Имитация политической реальности, игнорирование законов науки, неспособность науки сохранять нейтральность – всё это ведёт к подмене оригинальных форм. Симулякры (Бодрийяр, 2015) создают реальность, которой «говорящему субъекту» может быть достаточно.

Как квазиполитический дискурс современный новояз отличается в своём генезисе от новояза тоталитарных обществ. Если в XX в. такой язык был порождением власти в прямом смысле слова, то в условиях горизонтальной интернет-коммуникации точки порождения власти дискурса могут быть повсюду. В этой связи плодотворными являются идеи Мишеля Фуко, посвящённые дискурсу и власти. Дискурс, который высказывается субъектом посредством новояза, как бы опосредует самому субъекту. «Мне давно уже предшествует голос без имени» (Фуко, 1996, с. 49). С точки зрения Фуко, дискурс определяется не только типом, но и эпохой (Фуко, 1996, с. 26). В этой связи новояз можно считать симптомом времени, культуры и политики в данный момент. В пользу такого тезиса говорит и то, что у Фуко понятие «эпистема» постепенно сменилось «дискурсом», сохранившим признаки эпистемы. Производство знания происходит через дискурсивные практики. Знание «говорящего субъекта», отстаивание той или иной позиции отражают стремление к обладанию дискурсом. Но сам дискурс, его направление, присущие ему акценты носят конкретно-исторический характер. Говоря другими словами, такой новояз не мог возникнуть в другое время.

Новояз свидетельствует о проблемах социального неравенства, позволяет выявить стигматизированные группы, неодобряемые ситуации. На уровне новояза, суммировавшего политический дискурс, повседневный разговор, визуальные образы, публикации в СМИ и комментарии к ним, воспроизводятся стереотипы

и предубеждения. Знание всегда связано с социальной и политической властью. М. Фуко, как и Т. ван Дейк, пишет о способах контроля и сущности власти. С одной стороны, существует власть элит, в том числе интеллектуалов. Построение знания и осуществление власти оказываются связанными (Дейк, 2013 с. 28, 56; Фуко, 2005, с. 268). В отличие от политиков, которые могут руководствоваться субъективными решениями, учёные должны производить объективные знания. Однако и в этом случае транслируемые знания не являются непреложной истиной, а представляют собой результат социокультурных и властных отношений, которые формируют дискурсивные практики. Но если критика политического деятеля для обывателя может казаться естественной, то воспринять с критических позиций текст учёного сложнее. В этой связи использование новояза в педагогическом или научном дискурсе может иметь особое влияние на реципиента. Этот момент усиливает критику языка науки, которая с точки зрения философии не нова. И в современных условиях С. Жижек отмечает, что существует иллюзия научного дискурса как «дискурса чистого описания фактичности» (Жижек, 2008, с. 139-140). Поэтому появление в речи или тексте, претендующих на научность, эмоционально окрашенных концептов показывает влияние современного новояза, его пластичность и способность заполнять все ниши. Новояз строится на ритуальных фразах и тезисах, не имеющих научных причинно-следственных связей, что указывает на манипулятивное и идеологическое содержание такого языка.

В современном обществе властвование не только включает в себя прямое принуждение, но и имеет опцию моделирования актуальной ситуации в обществе. У таких понятий, как объективность, непредвзятость, авторитетность, истинность, есть релятивные критерии, и они подвижны. Как следствие, «говорящий субъект» лишён субъектности и выбора. С другой стороны, на уровне локального решения субъект может использовать процедуры исключения, о которых писал Фуко: запрет, разделение и отбрасывание (Фуко, 1996, с. 52). Эти процедуры вполне применимы к поведению в Сети: современным эквивалентом будет являться понятие «бан». Субъекта исключают из общения, поместив в чёрный список за точку зрения или форму её представления, не соответствующие группе.

В этой связи метафора безумия продолжает быть актуальной. Сумасшедшие в своём статусе сменили прокажённых. «Роль, когда-то принадлежавшую прокажённому, возьмут на себя бедняки, бродяги, уголовные преступники и “повредившиеся в уме”»; мы увидим, какого рода спасения ждут от своего исключения и они сами, и те, кто их исключает. Все формы этого исключения сохраняются, хоть и наполняются, в рамках совершенно иной культуры, совсем новым смыслом» (Фуко, 2010, с. 15). В сетевом поведении также могут быть группы, находящиеся на периферии общества и не соответствующие доминирующим нормам и правилам. В этой

связи они являются объектом контроля и власти. Как следствие, сама Сеть и особенности коммуникации в ней могут быть представлены как концепт «ризомы – паноптикон» (Делёз, Гваттари, 2010; Фуко, 2015).

Образ подземного горизонтального стебля, который распространяется под поверхностью земли и создаёт новые ростки, напоминает связь между онлайн- и офлайн-пространством. Социальные сети развиваются горизонтально и формируют новые связи и отношения между «говорящими субъектами». У ризомы нет центра или иерархии, она состоит из множества узлов, которые могут быть соединены друг с другом в разных комбинациях и конфигурациях. Сети состоят из множества людей, которые могут связываться друг с другом по своему желанию. Как и ризома, Сеть адаптивна, она учитывает изменения в обществе и новые технологии. Однако у видимой децентрализации есть обратная сторона. Ризома может быть источником неопределённости и непредсказуемости. Социальные сети могут создавать сложности в управлении и контроле, поскольку не подчиняются традиционным иерархическим структурам, а формируют свою структуру. Несмотря на отсутствие чёткой иерархии и центрального контроля, есть общее правовое пространство, о котором шла речь в начале статьи, а также отдельные правила групп и частные решения модераторов. Такая особенность позволяет сравнить Сеть с паноптиконом.

Архитектура паноптикона предполагает видимость всех элементов. Это создаёт ощущение постоянного наблюдения и контроля, что ведёт к самоконтролю и подчинению со стороны «говорящих субъектов». Речь идёт и о стремлении к репрезентации себя в определённом свете с целью получить одобрение, и о регламентации со стороны права. Как и в паноптиконе, в социальных сетях люди могут ощущать необходимость подчиняться определённым нормам и ограничениям, чтобы соответствовать ожиданиям других пользователей. Они могут ограничивать своё поведение и выражение мнения, опасаясь исключения, негативных реакций или потери популярности. Такое сочетание характеристик Сети обуславливает агрессивное поведение «говорящего субъекта», находящегося в борьбе за дискурс с Другим.

Биологические метафоры используются в новоязе при обвинении оппонента в определённой физической, интеллектуальной, сексуальной неполноценности. Например, такие иронично-оскорбительные выражения, как «демшиза», «гейропа», «либерасты», «православнутые», с позиции «говорящего субъекта» откровенно указывают на расстройства субъектов, которым приписываются эти наименования. Вместе с тем эти слова обличают радикальный характер, свойственный отдельным идеологиям, системам ценностей.

Использование тех или иных характеристик в ментальных репрезентациях субъектов связано с тем, что составные элементы включают в себя «нормальные» случаи: так Дж. Лакофф характе-

ризует стереотипы и значения по умолчанию, которые заполняют у индивида недостаток информации (Лакофф, 2004, с. 160, 161). В этой же канве стоит упомянуть Р. Водак. Описывая процедуру конструирования образа Другого (того, к кому обращается или о ком говорит «говорящий субъект», используя новояз), она вслед за Т. Адорно связывает понятия идентичности и идеологии, а также отмечает, что радикальная речь в правопопулистском дискурсе включает одобрительное отношение к нативистической политике тела (Водак, 2018, с. 147, 148).

Апелляция к традиции, обращение к истокам усиливают процессы включения и исключения своих и чужих. Деление на нас и их не только свойственно политическому дискурсу в его классической форме (по материалам речей политиков), но и находит проявление в речи обывателей, никак не связанных с профессиональной политической деятельностью. В этом случае современный новояз, в отличие от языка XX в., часто представлен спорадическими выражениями, не имеющими развёрнутых форм обоснования своей позиции. Хотя следует отметить, что некоторые субъекты пишут большие тексты с обоснованием своей позиции, но в ответ могут получить короткий агрессивный ответ, в котором будет новояз с обценными корнями.

С одной стороны, нативистическая политика тела связана с концепцией биополитики, используемой М. Фуко. Оба понятия относятся к управлению и контролю над телесностью и жизнью людей в рамках политической власти. Рассуждения в Сети о гендерных ролях мужчин и женщин, проблеме аборт и о других темах, связанных с приватной сферой человека, указывают на их чувствительность для «говорящих субъектов», на их маркерный характер для определения своих и чужих. С учётом децентрализации, рассредоточения власти не государство, а анонимный субъект берёт на себя миссию по управлению биополитикой и даже некрополитикой, даёт оценки истинности и ложности критериям «нормального» поведения. С другой стороны, концепт «тело» и биологические метафоры являются важным инструментом для понимания норм и табу с точки зрения самого «говорящего субъекта» — того, что в его представлении является «здоровым» или «больным» обществом, исходя из представлений о человеческом теле. Метафорические образы и ассоциации необходимы, чтобы понять и описать мир. Показательно, что в ряду особо чувствительных тем «говорящий субъект» использует обценную лексику, которая усиливается метафорами агрессии или сексуальности.

Таким образом, новояз может стать предметом изучения со стороны разных наук и подходов. Философский уровень осмысления темы позволяет погрузить новояз в контекст проблемы идеологии, идентичности «говорящего субъекта». Философская концепция новояза базируется на критической традиции и когнитивизме, позволяющих составить представление о роли языка на внешнем (культура) и внутреннем (мышление) модусах. Новояз является

примером комплексного разноуровневого квазиполитического дискурса. Носители новояза могут быть охарактеризованы в терминах авторитарной личности. Составные элементы и характеристики современного новояза можно представить следующим рядом: совокупность языка вражды, языковой игры, олбанского, англицизмов, неологизмов, криминального арго, обценной лексики. Уровни реализации новояза могут быть определены по разным критериям: сферам жизнедеятельности, хронологии, а также таким реперным точкам, как исторические термины, прецедентные феномены. Тот факт, что новояз вышел за пределы Сети, во-первых, говорит о том, что это не только интернет-сленг, а во-вторых, позволяет наблюдать в обществе серьёзные перемены, которые можно фиксировать через язык. Кроме того, онлайн-культура, представленная коммуникацией в Сети, адаптирует закономерности функционирования офлайн-пространства, сближая онлайн и офлайн посредством социальных закономерностей существования общества: выстраивания иерархий, формирования социальных групп и создания социальных норм.

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Declaration of Conflicting Interests

The author declared no potential conflicts of interest with respect to the research, authorship, and/or publication of this article.

Список литературы

- Адорно, 2001 – *Адорно Т.* Исследование авторитарной личности / Ред. В.П. Култыгин. М.: Серебряные нити, 2001. 416 с.
- Адорно, 2020 – *Адорно Т.* Жаргон подлинности. О немецкой идеологии. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2020. 192 с.
- Андрюхина, 2013 – *Андрюхина Т.В.* Язык власти и власть языка: политический дискурс // *Право и управление. XXI век.* 2013. № 3 (28). С. 62-69.
- Бергер, Лукман, 1995 – *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
- Бодрийяр, 2015 – *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции. М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. 240 с.
- Вершило, 2017 – *Вершило Р.* Политическая речь. Программа исследований. М.: Антимодернизм.Ру, 2017. 119 с.
- Витгенштейн, 2010 – *Витгенштейн Л.* Философские исследования. М.: АСТ: Астрель, 2010. 347 с.
- Витгенштейн, 2017 – *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2017. 288 с.
- Водак, 2018 – *Водак Р.* Политика страха. Что значит дискурс правых популистов? Харьков: Издательство «Гуманитарный центр», 2018. 404 с.

Грачёв, 2009 – *Грачёв М.* Интервенция криминального языка // Наука и жизнь. 2009. № 4. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/15574> (дата обращения: 15.08.2023).

Гробаневский, 2013 – *Гробаневский М.В.* Заметки о топонимическом новоязе // Возвращая Россию. Восстановление исторических названий, памятников и других утраченных культурных ценностей. СПб.: Алетей, 2013. С. 259-270.

Гусейнов, 2004 – *Гусейнов Г.Ч.* Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х. М.: Три квадрата, 2004. 272 с.

Дейк, 2013 – *Дейк, Т. ван.* Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.

Делёз, Гватари, 2010 – *Делёз Ж.* Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Пер. с франц. Я.И. Свирский; ред. В.Ю. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с.

Евласьев, Бондаренко, 2021 – *Евласьев А.П., Бондаренко Е.В.* Особенности современного политического новояза (на материале английского языка) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: гуманитарные науки. 2021. № 1. С. 148-150.

Жижек, 2008 – *Жижек С.* Устройство разрыва. Параллаксное видение. М.: Издательство «Европа», 2008. 516 с.

Земцов, 1985 – *Земцов И.Г.* Советский политический язык = Soviet political language. L.: Overseas publ. interchange, 1985. 431 с.

Клемперер, 1998 – *Клемперер В.* LTI. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога / Пер. с нем. А.Б. Григорьев. М.: Прогресс-Традиция, 1998. 384 с.

Кронгауз, 2013. *Кронгауз М.* Самоучитель Олбанского. М.: АСТ: Corpus, 2013. 416 с.

Кронгауз, 2023. *Кронгауз М.* Русский язык на грани нервного срыва. М.: Издательство АСТ: Corpus, 2023. 512 с.

Лакофф, 2004 – *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении? / Пер. с англ. И.Б. Шатуновский. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.

Пикабу, 2023 – *Пикабу.* URL: <https://pikabu.ru> (дата обращения: 15.08.2023).

Политический жаргон, 2023 – Политический жаргон. URL: <https://ru.wiktionary.org/> (дата обращения: 15.08.2023).

Савина, 2023 – *Савина Т.В.* Русский язык советского типа: к определению понятия // Сибирский филологический журнал. 2023. №1. С. 297-310.

Серио, 1999 – *Серио П.* Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. С. 337-384.

Словарь перемен, 2015 – Словарь перемен – 2014 / Сост. М. Вишневецкая. М.: Три квадрата, 2015. 224 с.

Словарь перемен, 2018. – Словарь перемен – 2015-2016 / Сост. М. Вишневецкая. М.: Три квадрата, 2018. 248 с.

Словарь политической (патологической) речи, 2023 – Словарь политической (патологической) речи. URL: <https://dvagrada.ru/wiki> (дата обращения: 15.08.2023).

Титков, 2019 – *Титков А.С.* Новые практики дня Победы: макросоциологическое объяснение // Фольклор и антропология города. 2019. Т. 2. № 1-2. С. 206-229.

Фуко, 1996 – Фуко М. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. С. 47-96.

Фуко, 2005 – Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Часть 2 / Пер. с франц. И. Окунева; ред. Б.М. Скуратов. М.: Праксис, 2005. 320 с.

Фуко, 2010 – Фуко М. История безумия в классическую эпоху. М.: АСТ: АСТ Москва, 2010. 698 с.

Фуко, 2015 – Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 416 с.

Хоркхаймер, Адорно, 1997 – Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения, философские фрагменты. М. – СПб.: «Медиум», «Ювента», 1997. 312 с.

Экштут, 2022 – Экштут С. Почему бендеровцы стали бендеровцы? URL: <https://rg.ru/2022/03/02/otklik-rodiny-pochemu-benderovcy-stali-banderovcami.html?ysclid=llc80pt9ie282363766> (дата обращения: 15.08.2023).

Hyun, 2017 – Hyun N.H. Язык и власть: «новый новояз» постсоветского периода // *Studia Slavica Hung.* 2017. № 62. С. 355-369.

Bracha, 2022 – Bracha G. Newspeak Programming Language Draft Specification Version 0.104. URL: <https://newspeaklanguage.org/spec/newspeak-spec.pdf> (дата обращения: 04.03.2022).

Crawford, Keen, Suarez de-Tangil, 2020 – Crawford B., Keen F., Suarez de-Tangil G. Memetic Irony and the Promotion of Violence within Chan Cultures. Full report. Centre for Research and Evidence on Security Threats. UK: Economic and Social Research Council (ESRC), 2020. 48 p.

Ferrara, 2019 – Ferrara E. Bots, elections, and social media: a brief overview. URL: <https://arxiv.org/pdf/1910.01720.pdf> (дата обращения: 1.09.2023).

Gibson, Carden, 2021 – Gibson M., Carden C. The Moral Uncanny in Black Mirror. Switzerland: Palgrave Macmillan, 2021. 195 p.

Her, Zharova, 2017 – Her S.-Y., Zharova M. Post-irony against meta-irony // The Philosopher's Meme. URL: <https://thephilosophersmeme.com/2017/03/10/post-irony-against-meta-irony> (дата обращения: 10.01.2023).

Kim, Guess, Nyhan, Reifler, 2021 – Kim J. W., Guess A., Nyhan B., Reifler J. The distorting prism of social media. How self-selection and exposure to incivility fuel online comment toxicity // *Journal of Communication*. URL: <http://hdl.handle.net/10871/126976> (дата обращения: 10.01.2023).

Mao, Chen, Zhang, Guerin, Cambria, 2023 – Mao R., Chen G., Zhang X., Guerin F., Cambria E. GPTEval: A Survey on Assessments of ChatGPT and GPT-4. URL: <https://arxiv.org/pdf/2308.12488v1.pdf> (дата обращения: 1.09.2023).

Matamoros-Fernandez, Farkas, 2021 – Matamoros-Fernandez A., Farkas J. Racism, hate speech, and social media: a systematic review and critique // *Television & New Media*. Vol. 22 (2). Pp. 205-224.

Mojica, 2016 – Mojica L. G. Modeling Trolling in Social Media Conversations. URL: <https://arxiv.org/pdf/1612.05310.pdf> (дата обращения: 2.10.2023).

Mondal, Silva, Benevenuto, 2017 – Mondal M., Silva L. A., Benevenuto F. A measurement study of hate speech in social media. URL: <https://people.cs.uchicago.edu/~mainack/publications/hatespeech-ht-2017.pdf> (дата обращения 2.10.2023).

Ropoly, 2018 – Ropoly L. Toward a philosophy of the Internet // Philosophy and Computers. Vol. 17. No. 2. Pp. 40-49.

Wahlqvist, 2013 – Wahlqvist T. Speaking about newspeak teaching democracy, critical thinking and language through nineteen eighty-four // Gothenburg University Library. URL: <https://gupea.ub.gu.se/handle/2077/35175> (дата обращения: 10.01.2023).

References

Adorno, T. (2001). *The Study of the Authoritarian Personality*. Silver threads Publ. (In Russian)

Adorno, T. (2020). *Jargon of Authenticity. About German Ideology*. "Canon +" ROII "Rehabilitation" Publ. (In Russian)

Andriukhina, T. V. (2013). The language of power and the power of language: political discourse. *Law and Governance. XXI century*, 3 (28), 62-69. (In Russian)

Baudrillard, J. (2015). *Simulacra and Simulations*. Publishing House "POSTUM". (In Russian)

Berger, P., Lukman, T. (1995). *Social Construction of Reality. A treatise on the sociology of knowledge*. Medium Publ. (In Russian).

Bracha, G. (2022). *Newspeak Programming Language Draft Specification Version 0.104*, from <https://newspeaklanguage.org/spec/newspeak-spec.pdf>.

Crawford, B., Keen, F., Suarez de-Tangil, G. (2020). *Memetic Irony and the Promotion of Violence within Chan Cultures. Full report*. Centre for Research and Evidence on Security Threats. UK: Economic and Social Research Council (ESRC).

Deleuze, J. A. (2010). *Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia*. U-Factoria Publ, Astrel Publ. (In Russian)

Dictionary of Political (pathological) speech, from <https://dvagrada.ru/wiki> (accessed: 08/15/2023). (In Russian)

Ekstut, S. (2022). *Why did the Banderites become Banderites?* From <https://rg.ru/2022/03/02/otklik-rodiny-pochemu-benderovcy-stali-banderovcami.html?ysclid=llc80pt9ie282363766>. (In Russian)

Evlasyev, A.P., Bondarenko E.V. (2021). Features of the modern political newspeak (based on the material of the English language). *Modern Science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities*, 1, 148-150. (In Russian)

Ferrara, E. (2019). *Bots, elections, and social media: a brief overview*, from <https://arxiv.org/pdf/1910.01720.pdf>.

Foucault, M. (1996). The order of discourse. *The Will to truth: beyond knowledge, power and sexuality*. 47-96. Kastal Publ. (In Russian)

Foucault, M. (2005). *Intellectuals and Power: Selected political articles, speeches and interviews. Part 2*. Praxis Publ. (In Russian)

Foucault, M. (2010). *The History of madness in the classical era*. ACT MOSCOW Publ. (In Russian)

Foucault, M. (2015). *To supervise and punish. The Birth of prison*. Ad Marginem Press. (In Russian)

Gibson, M., Carden, C. (2021). *The Moral Uncanny in Black Mirror*. Palgrave Macmillan Publ.

Grachev, M. (2009). Intervention of criminal language. *Science and life*, 4, from <https://www.nkj.ru/archive/articles/15574/?ysclid=llers2dkzh938330243> (accessed: 08/15/2023). (In Russian)

Grobanevsky, M.V. (2013). Notes on toponymic Newspeak. *Returning Russia. Restoration of historical names, monuments and other lost cultural values.* 259-270. Aleteya Publ. (In Russian)

Her S.-Y., Zharova M. (2017). Post-Irony against Meta-Irony. *The Philosopher's Meme*, from <https://thephilosophersmeme.com/2017/03/10/post-irony-against-meta-irony>.

Horkheimer, M., Adorno, T. (1997). *Dialectics of enlightenment, philosophical fragments*. "Medium" "Juventus" Publ. (In Russian)

Huseynov, G. Ch. (2004). *Soviet ideologems in the Russian discourse of the 1990s*. Three Squares Publ. (In Russian)

Hyun, N.H. (2017). Language and power: "new newspeak" of the post-Soviet period. *Studia Slavica Hung*, 62, 355-369. (In Russian)

Kim, J. W., Guess, A., Nyhan, B., Reifler, J. (2021). The Distorting Prism of Social Media How Self-Selection and Exposure to Incivility Fuel Online Comment Toxicity. *Journal of Communication*, from <http://hdl.handle.net/10871/126976>.

Klemperer, V. (1998). *LTI. The language of the Third Reich*. Notebook of a philologist. Progress-Tradition Publ. (In Russian)

Krongauz, M. (2021). *Russian language on the verge of a nervous breakdown*. Corpus Publ. (In Russian)

Krongauz, M. (2013). *Self-study of Olbansky*. Corpus Publ. (In Russian)

Lakoff, J. (2004). *Women, Fire and Dangerous things: What the categories of language tell us about thinking*. Languages of Slavic culture Publ. (In Russian)

Mao, R., Chen, G., Zhang, X., Guerin, F., Cambria, E. (2023). *GPTEval: A Survey on Assessments of ChatGPT and GPT-4*, from <https://arxiv.org/pdf/2308.12488v1.pdf>.

Matamoros-Fernandez, A., Farkas, J. (2021). Racism, Hate Speech, and Social Media: A Systematic Review and Critique. *Television & New Media*, 22(2), 205–224.

Mojica, L.G. (2016). *Modeling Trolling in Social Media Conversations*, from <https://arxiv.org/pdf/1612.05310.pdf>.

Mondal, M., Silva, L.A., Benevenuto, F. (2017). *A Measurement Study of Hate Speech in Social Media*, from URL: <https://people.cs.uchicago.edu/~mainack/publications/hatespeech-ht-2017.pdf>.

Peekaboo, from <https://pikabu.ru>. (In Russian)

Political jargon, from <https://ru.wiktionary.org>. (In Russian)

Ropoly, L. (2018). Toward a Philosophy of the Internet. *Philosophy and Computers*, 17, 2, 40-49.

Savina T.V. Russian language of the Soviet type: to the definition of the concept. *Siberian Philological Journal*, 1, 297-310. (In Russian)

Serio, P. (1999). Russian language and analysis of Soviet political discourse: analysis of nominalizations. *Quadrature of meaning: The French school of discourse analysis*. 337-384. JSC IG "Progress" Publ. (In Russian).

Ten, v. Dake. (2013). *Discourse and power: Representation of dominance in language and communication*. Publishing house "LIBROCOM" Publ. (In Russian).

Titkov, A.S. (2019). New practices of Victory Day: a macrosociological explanation. *Folklore and anthropology of the city*, 2, 1-2, 206-229.

Vershillo, R. (2017). *Political speech. Research program*. Antimodernism.ru Publ. (In Russian)

Vishnevetskaya, M. (2015). *Dictionary of Changes – 2014*. Three squares Publ. (In Russian)

Vishnevetskaya, M. (2018). *Dictionary of Changes – 2015-2016 (2018)*. Three squares Publ. (In Russian)

Vodak, R. (2018). *The Politics of Fear. What does the discourse of right-wing populists mean?* Publishing house "Humanitarian Center" Publ. (In Russian)

Wahlqvist, T. (2013). Speaking about Newspeak Teaching Democracy, Critical Thinking and Language through Nineteen Eighty-Four. *Göteborg University Library*, from <https://gupea.ub.gu.se/handle/2077/35175>.

Wittgenstein, L. (2010). *Philosophical studies*. Astrel Publ. (In Russian)

Wittgenstein, L. (2017). *Logical and philosophical treatise*. Canon + ROOI "Rehabilitation" Publ. (In Russian)

Zemtsov, I. G. (1985). *Soviet political language = Soviet political language*. Overseas publ. interchange Publ. (In Russian)

Zizek, S. (2008). *The rupture device. Parallax vision*. Publishing house "Europe" Publ. (In Russian)